

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.10222

«В кораблике моем горит свеча...»: образ реки в «Путевых записках» архиепископа Нила (Н. Ф. Исаковича)

С. В. Мельникова

*Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека им. И. И. Молчанова-Сибирского
(г. Иркутск, Российская Федерация);*

*Национальный исследовательский Томский государственный университет
(г. Томск, Российская Федерация)*

e-mail: memuaristika@yandex.ru

Аннотация. Статья направлена на изучение путевой прозы православного духовенства XIX в. как одной из классических версий «сибирского текста». Границы этого текста в рамках русской литературы определяются спецификой отраженного в нем регионального самосознания, сформированного во многом под влиянием сибирского географического пространства. Выдвигается гипотеза о значимости для сибирской литературы образа реки — как наиболее очевидной пространственно-временной координаты. Особенности репрезентации этого образа в сочинениях духовенства рассматриваются на примере «Путевых записок» Нила (Исаковича), архиепископа Иркутского (1838–1853 гг.), в которых рассказывается о миссионерской поездке по Лене и другим рекам ее бассейна летом 1843 г. Образ реки архиепископ Нил выстраивает в виде многогранной модели взаимодействия человека с пространством, раскрывающейся в историческом, психологическом и метафизическом аспектах и объективируемой в категориях хаоса и космоса, границы и перехода, одиночества и духовного преображения. В культурной памяти автора соединяются два начала европейской идентичности — античное и христианское, становящиеся основой эстетизации и концептуализации образа реки. Авторская интенция направлена на преодоление в сознании путешественника языческой сущности северных рек и построения их новой онтологии как пространства встречи человека с Творцом. Миссионерская поездка с целью христианского просвещения якутских инородцев приобретает для автора характер личного паломничества, направленного на сакрализацию и духовное принятие Сибири. Образ реки в этом контексте является метафорой самой Сибири — древней и языческой, но динамичной и открытой к христианскому возрождению. Значение «Путевых записок» архиепископа Нила и в целом путевой прозы духовенства в истории русской литературы определяется тем, что сибирское пространство в их сочинениях дано в духовном измерении, что, в свою очередь, позволяет представить процесс освоения Сибири

в его онтологической и аксиологической сущности — как инкорпорацию в российское национальное самосознание, христианское в своей основе.

Ключевые слова: сибирский текст, геопоэтика, архиепископ Нил (Исакович), образ реки, церковная словесность, язычество, античность, христианство, путевая проза

Для цитирования: Мельникова С. В. «В кораблике моем горит свеча...»: образ реки «Путевых записках» архиепископа Нила (Н. Ф. Исаковича) // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 1. С. 110–133. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10222

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.10222

“A Candle is Burning in my Boat...”: The Image of the River in the “The Travel Notes” of Archbishop Nil (N. F. Isakovich)

Sofya V. Melnikova

*Irkutsk Regional State Universal Scientific Library I. I. Molchanov-Sibirsky
(Irkutsk, Russian Federation);*

*National Research Tomsk State University
(Tomsk, Russian Federation)*

e-mail: memuaristika@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to studying the travel prose of the Orthodox clergy in the 19th century as a phenomenon of the Siberian regional literature and one of the classical versions of the “Siberian text.” The boundaries of the “Siberian text” in Russian literature are defined by the characteristics of regional identity, which is reflected in this text and is shaped by the Siberian geographical space. The hypothesis of the importance of the river image — as the most obvious space-time coordinate — in Siberian literature is put forward. The specifics of the representation of this image in the works of the clergy are examined on the example of “Travel Notes” by Nil (Isakovich), Archbishop of Irkutsk (1838–1853). The notes recount missionary journey along the Lena and other rivers in its basin in the summer of 1843. Archbishop Nil constructs the image of the river as a multi-faceted model of human interaction with space — in the context of a Christian worldview, as well as personal and cultural memory. This model is revealed in historical, emotional-psychological, mythopoetic and ontological terms in relation to the categories of chaos and cosmos, border and transition, existential solitude and spiritual transformation. The author’s intention is aimed at overcoming the prehistoric pagan essence of the river in the traveler’s mind through its aestheticization, conceptualization and sacralization as a space of meeting with the Creator. This correlates with the genre strategy of the Christian pilgrimage. The image of the river recreates a dynamic image

of all of Siberia — ancient, steeped in primeval chaos, pagan and mythological in its essence, but open to Christian transfiguration and rebirth. The significance of Archbishop Nil's travel notes, and clergy travelogues in general, in the history of Russian literature is determined by the fact that the Siberian space is reflected in their writings in its spiritual dimension. This approach, in turn, makes it possible to present the process of Siberian exploration in its ontological and axiological essence — as an incorporation into the Russian national consciousness, Christian in its basis.

Keywords: Siberian text, geopoetics, Archbishop Nil (Isakovich), river image, church literature, paganism, antiquity, Christianity, travelogue

For citation: Melnikova S. V. "A Candle Is Burning in My Boat...": The Image of the River in the "The Travel Notes" of Archbishop Nil (N. F. Isakovich). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 110–133. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10222 (In Russ.)

Река — древний архетипический образ, значимый для большинства культур мира. В христианстве он наделяется сакральностью, связанной с представлением о священных водах Иордана и Таинством Крещения — в символическом плане река трактуется как источник жизни и преобразования, место встречи человека с Богом. В русской культуре, помимо религиозных смыслов, река воплощает структурообразующее для национального самосознания представление о горизонтальности и широте российского пространства и потому является «одним из важнейших онтологических топосов» отечественной литературы [Захарова: 5], что подтверждается великими литературными образами Днепра, Волги, Дона, Невы.

Особое значение реки имеют для Сибири. «Большие воды» Енисея, Лены, Амура издревле являлись сугубо почитаемыми сакральными объектами в языческой культуре коренных народов, с ними была связана обширная мифология и развитая обрядовость.

В XVI в. началось освоение Сибири русскими. Инкорпорация этой территории в Российскую государственность происходила не только на уровне политики и экономики, но и национального самосознания, что предполагало ее новую мифологизацию и сакрализацию, но уже в рамках российской истории, государственности и православной культуры. И реки, как наиболее очевидные и устойчивые координаты для концептуализации

пространства, определившие основные векторы колонизации, могли играть в этом процессе стратегическую роль, что, в свою очередь, должно было отразиться в региональной словесности.

Данная гипотеза прекрасно коррелирует с общими представлениями о «сибирском тексте» как новом «локальном тексте культуры» [Абашев: 5, 12], особенности которого, отличающие его от других локальных текстов, определяются региональным самосознанием сибиряков [Анисимов], [Богу-мил], [Замятин, 2010], [Казаркин], [Макарова], [Тюпа] и, прежде всего, присущей этому самосознанию «хронотопичностью»: «Осмысление пространственных границ Сибири, ее природы, топосных моделей органично входило в тот комплекс идей, которые можно определить как региональное самосознание» [Янушкевич: 227].

Тема сибирских рек затрагивается в современном литературоведении, однако раскрывается она на примере ограниченного круга сочинений XX в.: романа «Угрюм-река» В. Я. Шишкова [Худенко], а также произведений В. Г. Распутина и В. П. Астафьева.

На наш взгляд, круг источников для ее изучения может быть существенно расширен за счет литературы XIX в., и прежде всего мемуаров и путевых заметок сибиряков. Так, образ реки Лены может быть исследован на материале «Поездки в Якутск» чиновника Н. С. Щукина, путевых записок адмирала барона Ф. П. Врангеля, воспоминании Б. В. Струве, отрывков из «Фрегата “Паллада”» И. А. Гончарова и др.¹

¹ Алексеев П. С. Вверх по Лене в почтовой лодке. Путевые заметки 1891 года // Вестник Европы. СПб., 1898. Т. 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yakutskhistory.net/очерки-и-статьи/вверх-по-лене-в-почтовой-лодке-п-с-алексеев/>; Бычков А. Очерки Якутской области: с устья реки Лены (путевые заметки с картой рыболовных песков). Томск, 1899. 68 с.; Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия: в 2 т. СПб., 1858. Т. 1. 500 с.; Т. 2. 659 с.; Крузе Р. Путевые записки от Иркутска до Вилюйска в 1832 г. [пер. с нем.] // Журнал министерства внутренних дел. 1834. Ч. 11. № 1. С. 45–74; Путевые записки адмирала барона Ф. П. Врангеля // Исторический вестник. 1884. Т. 18. № 9–10 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/wrangelx_f_p/text_1830_putevye_zapiski_olderfo.shtml; Струве Б. В. Воспоминания о Сибири. 1848–1854. СПб., 1889. С. 64–75; Щукин Н. С. Поездка в Якутск. СПб., 1844. 315 с.

Отдельную группу среди подобных текстов могли бы составить сочинения православного духовенства. Помимо вынесенных в название настоящей статьи «Путевых записок» высокопреосвященного Нила (Н. Ф. Исаковича), архиепископа Иркутского и Нерчинского², образ Лены и других северных рек представлен в «Путешествии по Лене» преосвященного Иакова (И. П. Домского), епископа Якутского и Вилюйского, в дневниках священников Г. Попова и Н. А. Пономарева, протоиерея Ф. А. Стукова и еще ряде текстов — миссионерских путевых журналах, отчетах о владычных обозрениях епархий, дневниках, которые в совокупности можно определить как путевую прозу³. Корпус этих источников, как и других мемуаров духовенства,

² Николай Федорович Исакович родился в 1796 (по другим сведениям — в 1799 г.) в Могилевской губернии, окончил Могилевскую духовную семинарию, и в 1825 г. — Санкт-Петербургскую духовную академию, по выходе из которой принял монашеский постриг с именем Нил. Духовную службу начал инспектором в Черниговской семинарии, затем в Киевской духовной академии, в 1830 г. стал ректором Ярославской семинарии. В 1835 г., еще совсем молодым человеком, был хиротонисан во епископа Вятского и Слободского. Но уже через три года, в 1838 г., переведен в Восточную Сибирь, будучи поставлен епископом (с 1841 г. — архиепископом) Иркутским и Нерчинским. Иркутской епархией владыка Нил управлял 16 лет, вплоть до перевода в 1854 г. на Ярославскую кафедру. Скончался архиепископ Нил (Исакович) 21 июня 1874 г. в Ярославле и был погребен в Спасо-Преображенском монастыре.

³ Иаков (Домский И. П.), епископ. Путешествие по Лене // Якутские епархиальные ведомости. Отд. неофиц. 1887. № 12–15, 17; 1888. № 1–2, 4–8, 10–11, 14, 18–19; Мелетий (Якимов), архим. Записки и заметки, веденные во время путешествия преосв. о. Вениамина, епископа Иркутского и Нерчинского по Якутскому тракту, реке Лене и ее притокам (с 14 мая по 15 июня 1874 года) // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1874. № 34–41; Пономарев Н. А. Поездка Преосвященного Епископа Евгения в Киренский уезд в июне — июле месяцах 1913 г. / публ. и вступ. ст. Т. А. Крючкова, А. И. Шинковой; коммент. Т. А. Крючковой. Иркутск, 2007; Попов Г. Обзорение станов и приходов Верхоленского уезда начальником Иркутской духовной миссии, епископом Зосимою // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1917. № 4–10; Он же. По епархии с владыкой: (Путевые записки) // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1916. № 15–16, 19; Стуков Ф. А. Дневник спутствовавшего его преосвященству преосв. Никанору, епископу Якутскому и Вилюйскому в его поездке вверх по р. Лене и Витиму для обозрений приходов. Иркутск: Тип. обл. упр., 1904. 81 с.; Он же. Поездка в колонию прокаженных Вилюйского округа Якутской области: (Из путевых заметок туриста). СПб., 1913. 40 с.

достаточно обширен⁴, однако основная масса из них только ожидает своего научного изучения.

Взгляд на Сибирь, и в частности на сибирские реки, православных священников и миссионеров интересен по нескольким причинам. Во-первых, они были прекрасными знатоками этой территории — и их записки, составленные во время длительных миссионерских поездок в самые удаленные уголки Сибири, содержат ценный, а порою и уникальный исторический и научный материал. Во-вторых, как люди в большинстве своем образованные, знакомые с лучшими образцами мировой культуры, а также склонные к рефлексии и самоанализу, они могли создавать достаточно сложные образы сибирского времени и пространства, значимые, в том числе, в эстетическом плане. На наш взгляд, именно сочинения духовенства формировали в отношении Сибири то, что в современном литературоведении принято называть геопозитической образностью. Наконец, и это главное, духовные лица могли представить сибирское пространство в особом, не характерном для других авторов, духовном измерении, раскрывающим его новую онтологию и аксиологию как части России. Таким образом, именно в их сочинениях мог наиболее точно отразиться процесс инкорпорации Сибири в российское национальное самосознание, христианское в своей основе.

Исходя из этих тезисов, путевая проза сибирского духовенства, и в частности создаваемый в ней образ сибирских рек, может рассматриваться в контексте двух актуальных направлений современного литературоведения — геопозитики (об историографии вопроса см.: [Александрова-Осокина]) и этнопозитики, в понимании этого термина, предложенном В. Н. Захаровым [Захаров]. Раскрыть же ее идейно-эстетический потенциал как одной из классических версий «сибирского текста» мы попытаемся на примере «Путевых записок» архиепископа Нила (Исаковича) — одного из несомненных, на наш взгляд, шедевров сибирской словесности XIX в.

⁴ Сведения о составе корпуса мемуаров сибирского православного духовенства см. в указателях: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах: в 5 т. / под ред. П. А. Зайончковского. М., 1976–1989; Русский травелог XVIII — начала XX веков: аннотированный указатель / под ред. Т. И. Печерской. Новосибирск, 2018. 829 с.

Высокопреосвященный Нил управлял Иркутской епархией с 1838 по 1853 гг. За это время он совершил большое количество поездок по вверенной ему обширной территории, во время которых вел дневниковые записи. Позже эти записи и составили его «Путевые записки». Записки посвящены Восточной Сибири, однако опубликованы они были уже за ее пределами, в Ярославле, куда Нил переехал в 1854 г., будучи назначен архиепископом Ярославским и Ростовским. В 1869–1871 гг. они выходили частями в «Ярославских епархиальных ведомостях», в 1874 г. появилось отдельное издание. В 2018 г. автором настоящей статьи было подготовлено современное научное переиздание «Путевых записок»⁵.

Книга «Путевые записки» включает три части: «От Вятки до Иркутска», «Путешествие в Якутский край» и «От Иркутска до Якутска». В первой рассказывается о путешествии преосвященного Нила, только что назначенного на Иркутскую кафедру, из Вятки в Иркутск по Московско-Сибирскому тракту летом 1838 г. В двух других повествуется о поездке Нила, архиепископа Иркутского и Нерчинского, летом 1843 г. по Лене от Качуга до Якутска и обратно с целью обозрения епархии и миссионерской проповеди.

Временная дистанция между публикацией текста и описанными в нем событиями составила более четверти века. Черновики и писарские копии записок и дневников, которые владыка вел в дороге⁶, сохранились в составе его личного собрания в Ярославском архиве⁷. Их сравнение с опубликованным текстом

⁵ Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII — начала XX века. Путевые записки архиепископа Нила (Н. Ф. Исаковича) / авт.-сост. С. В. Мельникова; Иркут. обл. гос. универс. науч. б-ка. Иркутск, 2018. 352 с.

⁶ ГАЯО. Фонд коллекции рукописей. Оп. 1. Д. 205. Путевые записки, веденные архиепископом Нилом во время поездки в г. Якутск в 1843 году с 4 числа июля по 4-е число сентября. Л. 1–146 об. См. также не опубликованные путевые дневники: ГАЯО. Фонд коллекции рукописей. Оп. 1. Д. 183 (29): Записки, веденные в путешествии по Забайкальскому тракту и вообще в Забайкальском крае в 1839 году. Л. 1–24 об.; Записки по Ленскому пути в 1840 году. Л. 24а — 34 об.; Путь по Ленскому тракту 1851 года. Л. 35–41; Путевые записки в путешествии по тракту Ангарскому в 1844 году. Л. 148–170 об.; Записки по Забайкальскому тракту. 1846. Л. 183–198

⁷ Обзор документов личного собрания архиепископа Нила (Н. Ф. Исаковича) из Государственного архива Ярославской области / авт.-сост. Т. А. Крючкова, С. В. Мельникова. 2-е изд., доп. и испр. Иркутск, 2019. 84 с.

позволяет сделать вывод, что записи дополнялись и проходили литературное редактирование⁸.

Содержание «Путевых записок» архиепископа Нила в целом типично для владычных отчетов по обозрению епархии как одного из видов церковной документации. Владыка описывает населенные пункты и храмы, лежащие у него на пути, дает характеристику священникам и миссионерам, обращает внимание на верования, быт и нравы инородческого населения — бурят и якутов, сообщает о совершенных им Литургиях, а также о катехизаторских беседах. На основе ревизии якутского консисторского архива владыка составляет описание Спасского монастыря и всех якутских церквей.

Однако, как и многие другие духовные авторы, высокопреосвященный Нил выходит за рамки отчета и наполняет свой текст описаниями северной природы и обстоятельств путешествия, научными наблюдениями, рассуждениями, лирико-медитативными моментами. Очевидно, что по рукописям дорожных дневников Нил восстанавливал детали и обстоятельства своих путешествий; по памяти же воссоздавал собственный образ как путешественника, а также образ времени и пространства, что и позволяет определить «Путевые записки» как сочинение мемуарное. Владыка — талантливый писатель⁹,

⁸ В черновиках текст представлен в виде дневниковых поденных записей, с точным указанием чисел, в опубликованных же записках повествование ведется в виде связного хронологического рассказа; рассказ о событиях дополняют цитаты из поэтических текстов, выписки из научных трудов, церковных документов, которые едва ли могли быть сделаны в дороге. Теоретически процесс изменения текста мог продолжаться все годы, прошедшие до его издания. Но на то, что окончательный текст создавался непосредственно перед публикацией, указывают некоторые временные пометы: например, высокопреосв. Иннокентий (Вениаминов) упоминается в нем как митрополит Московский, что отсылает нас к событиям не ранее 1868 г.

⁹ Библиография опубликованных работ архиепископа Нила содержит более 30 наименований. Главное научное сочинение — книга «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири» (СПб., 1858). Переводы на монгольский язык Священных и богослужебных текстов, часть из которых была подготовлена в сотрудничестве с бывшим ламой Нилом Доржиевым: «Четвероевангелие и Апостол» (СПб., 1852), «Чин Божественной литургии и последования» (1852), «Требник» (1858), «Начатки христианского учения» (1858), «Ирмология» (1863), «Молитвослов» (1863), «Октоих» (1866), «Краткий молитвослов» (1867), «Постная триодь» (1869) и др. Избранные сочинения Нила по церковной истории:

и его «Путевые записки», что мы доказываем в ряде статей [Мельникова, 2013, 2015, 2018] могут рассматриваться и как литературное произведение. Основанием к тому служат прекрасный литературный язык и сложная структура повествования, наличие внутреннего сюжета и системы мотивов, собственная символика, целостный образ автора.

Высокопреосвященный Нил, как художник, мыслит образами, одним из центральных среди которых и является образ реки — как формы освоения и истолкования мира, отражающий общее в единичном, наделенный полнотой и целостностью смысла и силой эстетического воздействия.

Река в «Путевых записках» — это, прежде всего, «великая», как ее определяет сам автор, Лена. Но на маршруте владыки также лежат и многочисленные ее притоки и другие небольшие речки, всего в тексте называется более 20 подобных объектов¹⁰. При этом каждая из рек удостоивается не просто упоминания, но описания, иногда развернутого — «картины», «панорамы» или «ландшафта». Эти описания становятся основными структурными элементами повествования, существенно превышающими по своему объему собственно рассказ о событиях.

Начало маршрута — от Иркутска до Качуги — пролегает, однако, по суше. Местность в основном степная, населенная бурятами. Нил определяет ее как «унылую» и «однообразную». И это не просто настроение: степное пространство чуждо автору в генетическом и культурном плане. Ощущение отчужденности усиливается, когда владыка сталкивается в степи с шаманским хуралом и шаманкой-«фурией». Тем контрастнее выглядит чувство, с которым он описывает встречающиеся ему на пути небольшие речки — они единственное,

«Краткое сказание о святителе Иннокентии чудотворце, первом иркутском епископе» (Ярославские епархиальные ведомости. 1860. № 44), «Иркутские иерархи» (Ярославские епархиальные ведомости. 1861. № 50–52); «Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне архиерейский дом, с присовокуплением жития св. благоверных князей Феодора, Давида и Константина» (Ярославль, 1862) и др.

¹⁰ В тексте «Путевых записок» упоминаются речки: Куда, Манзурка, Каменка, Ангара, Макаровка, Киренга, Солянка, Витим, Орона, Кутомала, Муя, Мама, Батомка, Нюя, Олекма, Малькан, Столбовка, Качура, Половинная, Песковка, Крестовка, Ичора.

что оживляет, разнообразит и делает приятной для взгляда путешественника степную картину:

«Лучшее украшение Кудинской долины есть река Куда. Ею все здесь разнообразится и живет»¹¹;

«Жердовская стоит в ложбине одиноко и печально. Ее живит лишь ключ чистой воды, вытекающий из пригорка» (59);

«...гряда холмов рисует хороший ландшафт. Но несравненно лучшим становится он с появлением Ордынки. Причудливые извороты ее течения и изменчивость прибрежий, оживляемых летними кочевьями и стадами, дают много приятных впечатлений» (60).

Протекающие по степи речки, по сути своей, мало примечательны, однако высокопреосвященный Нил, как талантливый художник и мыслитель, буквально преображает их под своим пером:

«Кущи, рассеянные по берегам Манзурки, напоминая собою библейские времена, дают много пищи не воображению только, но и чувству. Ученый мир Европы знает селения идумейские и шатры кидарские, но знает по письмени и гаданию. Почему же не приглядеться на натуру, доколе время не стерло старины с лица земли? Манзурка, извиваясь между кустарниками и лугами, рисует богатую картину, особенно при подъеме на гору, опоясывающую долину. Путешественник, остановившись на вершине горы, увидит богатый ландшафт. Речка своими извилинами, долина зеленью и цветами, дальние окрестности разнообразием невольно влекут к себе взор и внимание. А если наблюдатель геолог, то и горные породы могут занять его с приятностью <...>. Странник, полюбуйся этою местностью!» (65).

Достоинством внимания в этом описании нам представляется, прежде всего, широта культурного контекста, в который владыка Нил вписывает речку Манзурку. Она дает ему повод вспомнить о библейских временах (райские кущи, упоминаемые в Библии идумеи и кидарцы) и обратиться к европейским

¹¹ Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII — начала XX века. Путевые записки архиепископа Нила (Н. Ф. Исаковича) / авт.-сост. С. В. Мельникова; Иркут. обл. гос. универс. науч. б-ка. Иркутск, 2018. С. 57. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

ученым с призывом изучать не только библейских, но и современных номадов. Сам же автор в этом описании предстает и как ученый, наблюдающий и анализирующий, и как сентиментальный путешественник, склонный к созерцанию и эмоционально-эстетическому восприятию природы.

Картина создается как живописное полотно — динамичное (река описывается с разных пространственно-временных точек зрения) и диалогичное: читатель вовлекается в процесс созерцания, становящегося основой со-бытия: он, как и автор, странник. Главное же в этом полотне — импрессионистский по своей сути образ движения, сопряженный самой реке, воплощенный в ней буквально. Изображение небольших степных речек, приятных для глаза, живописных и соразмерных человеку — тонко чувствующему и умеющему наслаждаться природой страннику, отсылает нас к эстетике сентиментализма.

Однако настроение изменяется по мере продвижения на север — природа с каждым шагом становится «угрюмее», «суровее» и «грандиознее». Путешественники вступают в область Лены и Витима — великих северных рек, которые уже не веселят, но восхищают, вдохновляют, а иногда подавляют и пугают. С их изображением в текст входит категория возвышенного:

«Щеки начинаются с девятой версты от станции и тянутся, как говорят, на три версты <...>. Некоторые из утесов очень высоки. Плывущие у подножия их суда кажутся щепками <...>. Пловец тут видит пред собою на каждом уклоне три стены — боковые и встречную. И эти встречи, при большой воде, ужас наводят на судовщиков <...> непривычному пловцу нелегко сохранить присутствие духа <...> он видит и сознается, что он атом пред громадою, пылинка пред горою» (106–107);

«Ландшафт, представляющийся со стороны Витимска, исполнен величия и разнообразия. Чело гор поднимается к облакам, с вариациями отражений, едва ли доступных даже для пылкого воображенья. А самое устье Витима, можно сказать, ненаглядно по дивному сочетанию грозного с приятным и по неумолкающему шуму вод, как бы взаимно ратующих и не желающих уступить места друг другу» (114–115);

«На протяжении сем Лена изумляет величием своим. Берега ее тонут в туманной дали, а самое ложе морем глядит» (151).

Величие создаваемого образа природы поддерживается высоким стилем: «исполнен», «чело», «вариации», «воображенье», «дивный», «ратующих», «смирный», «ложе».

Возвышенное — в данном случае изображение стихии и взаимодействия с ней человека — одна из основных категорий предромантизма и романтизма. Таким образом, в тексте архиепископа соединяются черты сентиментального и романтического, что в целом соответствует жанрово-стилевым тенденциям в русской литературе первой трети XIX в. Данное наблюдение может быть поводом, в частности, для сопоставления «Путевых записок» с сочинениями Н. М. Карамзина.

Творчество архиепископа Нила характеризует интерес к античности: обилие отсылок к античной литературе и мифологии — черта его текстов, которая не может остаться незамеченной:

«Самые воды в местах сих в странном и нимало не утешном виде. Ибо облегающие их скалы, бросая на них густую тень, обращают в мрачные воды Стикса: подобную же физиономию дают и речному руслу, отзывающемуся, особенно в ночное время, циклопической пещерою. И мне кажется, тот не погрешит, кто, преплываючи каверны сии, скажет: «*Stygiasque ultra quaerimus umbras*» (107);

«При дожде, громе и буре, местность эта казалась Сциллою и Харибдою, а зияющее среди скал устье, без всякого преувеличения можно бы назвать пещерою Эола» (116);

«Между Нюйским и Жербинским впадает, с левой стороны, в Лену большая река Нюя <...>. Берега кое-где заселены якутскими кочевьями. Но русские мало знают и редко посещают этот Ахерон» (122);

«Будь на месте сем певец древней Эллады, он в нашей мрачной, шумливой реке, верно, нашел бы Стикс новый или же новую Лету, так созвучную с именем Лены» (122);

«...по мере движения нашего вперед, горный ландшафт развертывается <...> принимает новые и новые формы и <...> волшебною метаморфоз своих силою влечет нас в мире фантазии, к эпохе <...> самого Зевса: *Affectasse ferunt regnum coeleste gigantes Altaque congestos struxisse ad sibera montes: Tum Pater omnipotens misso perfregit Olympum Fulmine...* (Ovid. *Metam. Lib. 1*)» (148) и т. п.

Прекрасное владение латынью и знание античной литературы и мифологии — это, безусловно, результат обучения Нила в Могилевской семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии. Однако его интерес к античности, на наш взгляд, преимущественно не академический, а поэтический — не столько индивидуальная черта стиля, сколько отражение общего культурного фона эпохи, которую принято называть «пушкинской». Немаловажно, что Нил был «абсолютным» современником великого поэта. Они родились в один год, и все то время, которое будущий иркутский архиепископ провел в центре России, совпало с годами жизни Пушкина. Объединяют их и любимые античные поэты — римляне Гораций и Овидий, а вот к античной мифологии оба автора обращаются чаще, напротив, в ее греческом варианте.

Мифологические образы формируют символический подтекст «Путевых записок» Нила, который, однако, легко расшифровывается. Устойчивым сравнением, как можно видеть из приведенных выше цитат, является сопоставление северных рек с тремя из пяти рек подземного царства Аида — Летою, Стиксом и Ахероном. Это сравнение, безусловно, связано с традиционным представлением об inferнальности сибирского хронотопа:

«...это узкая, мрачная расщелина, дышащая хладом. И ежели обитатели старой Эллады реку Эпирскую, за мутность вод и за скуку окрестностей ее, могли назвать Ахероном — рекою скорби, то мы с правом, вдесятеро большим, Столбовку свою можем назвать рекою скорби» (148).

Однако в сочинении высокопреосвященного Нила мы видим и тенденцию к преодолению этой inferнальности:

«...пришли мне на мысль герои древней Эллады, боровшиеся со Стиксом и Ахероном и никогда не терявшие надежды на помощь вышних сил. Подобная надежда и в мою душу тем более вселялась, чем более вера наша дает нам силы и права сказать с уверенностью на помощь Всевышнего: *Eripe me his, Invicte, malis!*» (221).

Себя и своих спутников владыка неоднократно сравнивает с аргонавтами — и это сравнение дает повод для противопоставления с коренными сибиряками:

«Сибиряки, умудренные опытами, опасность эту (полноводных рек. — С. М.) вполне сознают. А мы, ровно аргонавты, плывем-плывем, не видя никого ни пред собою, ни за собою» (137).

Аргонавты — это маркер определенной культурной традиции, следовательно, они чужие в суровом якутском пространстве, в связи с чем и возникает мотив слепоты — «не видя никого ни пред собою, ни за собою». Однако это «невидение» можно трактовать и как отсутствие страха и окрыленность целью. Если разворачивать ассоциативный ряд, то миссионерская поездка может быть интерпретирована как инвариант сюжета о поисках золотого руна, что окружает ее особым мифопоэтическим ореолом и сулит благополучный исход.

Но обращение к мифологии, что особенно для нас важно, объясняется не только личной образованностью владыки Нила и общим культурным контекстом эпохи. Оно продиктовано самой Леной — она и реки ее бассейна со всей очевидностью ощущаются автором как пространство мифопоэтическое, а, следовательно, нуждающееся для своего описания в языке мифа. Как уже говорилось во введении к настоящей статье, реки играли большую роль в мифах северных народов. Однако эта мифология чужда православному владыке (несмотря на весь его интерес, например, к буддизму), поэтому, на наш взгляд, он и избирает более органичный и знакомый для себя античный вариант мифа. Древняя и языческая водная стихия, будучи описанной на языке античных авторов, как будто бы укрощается, становится более понятной, возможно, не такой пугающей и вписывается в контекст европейской культуры, берущей свое начало в античности.

Важнейшие мифопоэтические категории в интерпретации этой стихии — хаос, космос и граница, или переход.

«Проводя ночь на смиренном кораблике своем, не смыкал я глаз. Мысли приходили и уходили, мелькали как метеор. Но все они, под влиянием ли ночного мрака, или непрестающего здесь стихийного борения, склонялись к одной и притом почти безотчетной. Мне казалось, что я думал думою Овидия Назона, когда, изображая первобытный хаос, высказывался он:

Во всем тогдашнем мире
Природа вид один имела

Вид массы грубой и нестройной
Да семена существ
Бессвязные, недружные» (114).

Хаос присутствует не только в метафизическом, но и вполне реальном плане. Он объективирован в многочисленных образах неустроенности Сибири, нерационального использования ее ресурсов, а также часто бедственного положения населяющих ее народов, особенно из числа инородцев. В записках изображаются картины эпидемий и голода среди живущих на берегах реки якутов, который настолько страшен, что вынуждает их питаться сосновой корой, что, в свою очередь, приводит к экологическому бедствию — истреблению сибирской тайги. И потому, хотя сибирская природа — это «великан», но «сам человек, витающий здесь среди терния и волчцев, носит образ тени, готовой явиться к Харону не сегодня, так завтра» (157).

Однако метафизический хаос может и должен быть преодолен, и на его месте должен возникнуть устроенный космос. Владыка верит в возможность просвещения и деятельного преобразования края, в основе которого лежит его научное изучение. Ученый-исследователь — еще одна ипостась, в которой Нил предстает на страницах своих записок. Интересуют его преимущественно вопросы геологии¹². Рассматривая геологические слои и напластования, автор раздвигает время описания на миллионы и миллиарды лет, создавая древний и величественный образ Лены и других северных рек:

«Обширные страны сии способны поспорить с древнею Колхидою, и давно ждут второго Язона, чтобы наделить его золотым руном» (224).

Для автора органична идея прогресса, сформулированная европейскими просветителями, как восходящего движения в истории, следовательно, и противопоставление современности, как эры разума и цивилизации, прошлому человечества.

¹² Минералогическая коллекция архиепископа Нила ныне хранится в минералогическом музее Санкт-Петербургского университета, см.: Анастасенко Г. Ф. Архиепископ Нил Исакович и его минералогическая коллекция // Памятники науки и техники. 1990. М.: Наука, 1992. С. 170–175.

Нил постоянно находится в состоянии внутреннего диалога. Его собеседники — поэты и философы прошлого. Обращение к ним позволяет автору раздвигать границы видимого мира и выходить на новые уровни его понимания и интерпретации:

«...Каковы же в эту пору ощущения? Думаю, они не далеки от тех, которые водили пером Юнга, когда писал он ночи свои; или же от тех, воодушевленный которыми Овидий сказал о человеке: *Mente Deos adiit, et quare natura negavit
Visibus humanis, oculis ea pectoris hausit*
Он к Богу мыслию восходит,
А сердцем ощущает,
Чего не досягает
Очей его взор бранный» (85–86).

Очевидно, что мысль, объединяющая для архиепископа в едином воспоминании творчество поэтов разных эпох — сентименталиста Эдварда Юнга, автора знаменитых «Ночных размышлений о жизни, смерти и бессмертии», и античного поэта Овидия, автора не менее знаменитых «Метаморфоз», — это мысль о двойственности человеческой природы («Червь? Бог?») и о бранныости человеческого бытия, его мимолетности, по сравнению с вечностью. Юнг может быть близок Нилу и как пастор, образом же Овидия задается архетип поэта, странника и изгнанника, с которым автор путевых записок отождествляет себя в хронотопе судьбы. Юнг и Овидий — это также маркеры памяти, однако уже не личной, но культурной памяти автора-мемуариста.

Но подлинную основу духовного бытия архиепископа составляет постоянное обращение к Творцу, волю и присутствие которого он видит во всех деталях и чертах окружающего мира.

«Полночь. Стоим у Туруцкой деревни. На берегу под утесом пылает костер. Одни греются, другие хлопочут о скорейшем приготовлении ужина. Но из пустыни великой, из лесов дремучих голоса живого до нас не доходит. Катится лишь луна над нашей головой. А гор густая тень у ног ложась, будто говорит нам: *Erectos ad sidera tollete vultus* — в мир звездный взор свой устремляйте (Ovid. in *Metamorp*)» (85).

Спутники его греются у костра, освещенные его рукотворным светом и хлопочущие об ужине. Сам же владыка наблюдает за ними со стороны. Он слышит иные звуки и освещен иным светом — светом звезд. Образ реки дополняется образом неба, «мира звездного». Сфера замыкается, создавая тем самым завершенную и совершенную картину универсума, проникнутого волей и величием Творца. В этой картине присутствует еще один источник света:

«В кораблике моем горит свеча; на столе лист бумаги, готовый к принятию ощущений моих...» (85).

Свеча — это символ молитвенного горения человека-христианина перед Богом. «Кораблик» противопоставлен общему костру как уединенная обитель, почти келья, в авторской же памяти он становится метафорой самой жизни, плывущей по реке времени:

«Благодаря Господу, у меня достало сил и терпения прободствовать ночь, стоя как на страже. А спутники мирно почивали. И это радовало меня. С рассветом туман начал редеть, а вместе с тем окрестные предметы стали проявляться один за другим. И я пристально смотрел на все, до чего око достигало, и наконец, от души сказал: “О, как прекрасен Божий мир!..”» (71).

Удел спутников владыки — отдых и мирный сон. Его собственный удел — усилие и душевное бодрствование. Но за это он вознаграждается тем, что остается неведомым для остальных: через спадающий с мира туман он созерцает его Божественную красоту и величие в чуде рождения жизни.

Как человек тонко мыслящий и чувствующий, Нил обладает высокой способностью к «открытию онтологических возможностей мест» [Замятин, 2015: 74]; как христианин онтологию пространства он связывает с божественным в нем присутствием и сакральностью.

При этом владыка движется не по изначально сакральным, освященным и до него местам, а, напротив, по дикой, языческой реке. По сути, он сам освящает своим появлением Лену: архиерейские Богослужения в убогих деревнях и улусах, годами не видящих священника, должны были остаться в памяти их жителей как одни из самых сильных религиозных переживаний.

Само течение и отсчет времени для архиепископа Нила определяется не гражданским, но прежде всего, православным церковным календарем, лежащим в основе сакрального хронотопа «Путевых записок». В этой связи особенно символичной выглядит дата завершения сухопутного и начала водного пути:

«Июня 6-го, прослушав Божественную литургию и отслужив молебен, в 10-м часу утра взошли мы на суда» (68).

Это День Всех Святых, который празднуется в Православии через неделю после Троицы, и посвящается воспоминанию о *«всех святых, по всему миру пострадавших»* (Св. Иоанн Златоуст) и их прославлению. Сразу после этого Дня наступают Петров, или Апостольский пост. И уповая на заступничество Святых и памятуя их духовные подвиги, владыка Нил в этот святой день вместе со своими спутниками готовятся к испытаниям, которые ждут их на апостольском по сути своей пути.

На время путешествия приходится и Успенский пост. Особую духовную радость владыке удастся принести в селение Витимское, где он служит Божественную Литургию:

«...это было накануне Успенья Пресвятой Богородицы. А потому имел я полную возможность прослушать всенощное бдение, а в самый праздник (15 авг.) совершить Божественную литургию. Случай этот, самим Небом уготованный, сколько меня радовал, столько и обывателей, с их ближними и дальними соседями» (225).

Завершается же поездка 6 сентября, в Иркутске, за день до еще одного великого православного праздника — Рождества Пресвятой Богородицы.

Цель миссионерского путешествия Нила — духовное просвещение Ленских берегов. Но его личная цель — их духовное принятие. Энергия и пафос «Путевых записок» заключается в том, что, погружаясь в это пространство, автор сознательно преодолевает его хтоническую природу и формирует новый геопоэтический образ, исходя из собственных религиозных, нравственных и эстетических установок. И этот образ подобен храму — в нем отчетливо ощущается присутствие Творца. Следовательно, применительно к путевым запискам Нила можно говорить об иеротопии, понимаемой как практика

человека в «создании сакральных пространств», формирующих для него самого среду общения с высшим, духовным миром [Лидов: 11].

Сакрализация пространства является основным признаком особого вида путешествия — христианского паломничества, поскольку без сакрализирующего взгляда «простое физическое прибытие в определенную топографическую точку, символизирующую сакральное место, означает явную неудачу паломничества, его религиозную несостоятельность» [Замятин, 2015: 70].

Высокопреосвященный Нил утверждает необходимость христианского просвещения и преображения Сибири:

«...пораномадам нашим начать исход, как из некоего Египта, из облегающего их мрака и идти во след народов, а паче Православной Руси, к нравственному, умственному и материальному преспеянию» (320).

Этот процесс имеет своей сутью преобразование времени-пространства — включения его в контекст христианской истории и памяти, и, что особенно важно, изменение ощущения времени у самих населяющих эти берега народов: его обогащение литургическим переживанием.

Финальные строки произведения свидетельствуют о завершенном процессе принятия автором этого изначально чуждого для него пространства:

«Не могу не сознаться, что, оставляя Якутскую область, чувствовал я непонятную для меня самого грусть. Не заключалась ли таинственная причина в безмерности ее пространства. Ибо известно, что все абсолютно великое, начиная от мира звездного до океана и пустынь Ливийских, безотчетно влечет к себе взор и внимание человека и никогда собой не наскучивает» (218).

Очевидно, что безмерность здесь характеристика не только и не столько географическая, но онтологическая. Прежде всего, это безмерность божественного замысла о мире и о человеке, безмерность созданного им космоса, которую владыка ощутил, странствуя по великим северным рекам и которую ему, благодаря писательскому дару, вполне удалось осмыслить и отразить в своих мемуарах.

Созданный в «Путевых записках» архиепископом Нилом образ реки, или водного пути, имеет не только поэтическое, но и метафизическое значение и формирует сложную картину мира. Нил является носителем разных типов памяти — личной и культурной, в которой органично соединяются два основных начала европейской идентичности, античное и христианское. Именно это объемное культурное сознание позволяет ему осмыслить образ реки в универсальных категориях хаоса и космоса, объективируемых как в метафизическом, так и реально-историческом плане. Свойственное же для христианина литургическое переживание времени и пространства становится основой для интерпретации путешествия как встречи с Творцом, присутствие которого постоянно ощущается в красоте и величии созерцаемого автором мира. Ключевым в образе реки является его духовное измерение. Также в тексте актуализирован архетип границы или перехода, связанный с личным духовным преображением автора, для которого путешествие по Лене и рекам ее бассейна приобретает характер христианского паломничества. Значение «Путевых записок» архиепископа Нила для общей истории сибирской литературы заключается в том, что в образе реки им воссоздается динамический образ всей Сибири — древней, погруженной в первобытный хаос, языческой и мифологической по своей сути, но открытой к христианскому преображению и возрождению.

Список литературы

1. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. 404 с.
2. Александрова-Осокина О. Н. Вопросы геопоэтики в современном литературоведении // Научный диалог. 2020. № 5. С. 216–241.
3. Анисимов К. В. Биографический сюжет в областнической литературе и публицистике: истоки и структура // Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX — начала XX века: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. С. 176–198.
4. Богумил Т. А. Библейские сюжеты в сибирском тексте // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2020. Т. 18. № 4. С. 331–347 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1604088106.pdf (10.11.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8742

5. Замятин Н. Д. Стрела и шар: введение в метагеографию Зауралья // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / отв. ред. К. В. Анисимов. Красноярск: Изд-во Сибирского фед. ун-та, 2010. С. 7–27.
6. Замятин Н. Д. Путешествие: пространство, образ, реальность // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 5/6. С. 64–78.
7. Захаров В. Н. Идея этнопоэтики в современных исследованиях // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 7–19 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (10.11.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382
8. Захарова В. Т. Онтологический статус образа реки в русской прозе XX века (по материалам мемуарно-автобиографической публицистики) // Вестник Мининского университета. 2013. № 2. С. 5–11.
9. Казаркин А. П. Проза Сибири в XX веке // Сибирь в контексте мировой культуры: коллективная монография. Томск: Изд-во Томского гос ун-та, 2003. С. 97–118.
10. Лидов А. М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Индрик, 2006. С. 9–32.
11. Макарова Е. А. Специфика бытования «сибирского текста» в литературной ситуации последней трети XIX века // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / отв. ред. К. В. Анисимов. Красноярск: Изд-во Сибирского фед. ун-та, 2010. С. 45–62.
12. Мельникова С. В. Миссионер, ученый, философ, поэт: образ автора-путешественника в «Путевых записках» архиеп. Нила (Исаковича) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 1 (21). С. 100–107.
13. Мельникова С. В. Пространство «духовного глада» и апостольского подвига: образ Сибири в мемуарах дореволюционного православного духовенства // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 5 (37). С. 157–171.
14. Мельникова С. В. Сибирь как объект научного, философского и художественного осмысления в сочинениях архиепископа Иркутского Нила (Н. Ф. Исаковича, 1779–1874) и епископа Якутского Иакова (И. П. Домского, 1823–1889) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 52. С. 184–200.
15. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
16. Худенко Е. А. Реки Сибири в очерковых и художественных текстах В. Я. Шишкова // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ: материалы всерос. науч. конф. Барнаул, 2020. С. 347–350.
17. Янушкевич А. С. Сибирский текст: взгляд извне и изнутри // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства: науч. доклады междунар. науч. конф. Иркутск, 2004. С. 227–235.

References

1. Abashev V. V. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka* [*Perm as Text. Perm in Russian Culture and Literature of the 20th Century*]. Perm, Perm State University Publ., 2000. 404 p. (In Russ.)
2. Aleksandrova-Osokina O. N. Issues of Geopoetics in Modern Literary Criticism. In: *Nauchnyy dialog*. Ekaterinburg, 2020, no. 5, pp. 216–241. (In Russ.)
3. Anisimov K. V. Biographical Plot in Regional Literature and Journalism: Origins and Structure. In: *Anisimov K. V. Problemy poetiki literatury Sibiri XIX — nachala XX veka: osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [*Anisimov K. V. Problems of the Poetics of Literature of Siberia of the 19th — Early 20th Centuries: Features of the Formation and Development of the Regional Literary Tradition*]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2005, pp. 176–198. (In Russ.)
4. Bogumil T. A. Biblical Plots in the Siberian Text. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2020, vol. 18, no. 4, pp. 331–347. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1604088106.pdf (accessed on November 10, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8742 (In Russ.)
5. Zamyatin N. D. The Arrow and the Globe: an Introduction to Meta-Geography of the Trans-Urals. In: *Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve* [*Siberian Text in the National Plot Space*]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2010, pp. 7–27. (In Russ.)
6. Zamyatin N. D. Journey: Space, Image, Reality. In: *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* [*Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies*], 2015, no. 5/6, pp. 64–78. (In Russ.)
7. Zakharov V. N. The Idea of Ethnopoetics in Contemporary Research. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2020, vol. 18, no. 3, pp. 7–19. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (accessed on November 10, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382 (In Russ.)
8. Zakharova V. T. The Ontological of the River in the Russian Prose of the 20th Century (by the Materials of the Memoirs and the Autobiographical Publicistic). In: *Vestnik Mininskogo universiteta* [*Vestnik of Minin University*], 2013, no. 2, pp. 5–11. (In Russ.)
9. Kazarkin A. P. The Prose of Siberia in the 20th Century. In: *Sibir' v kontekste mirovoy kul'tury* [*Siberia in the Context of World Culture*]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2003, pp. 97–118. (In Russ.)
10. Lidov A. M. Ierotopiya. The Creation of Sacred Space As A Form of Creativity and Subject of Cultural History. In: *Ierotopiya. Sozдание sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevney Rusi* [*Hierotopy. Creation of Sacred Spaces in Byzantium and Ancient Russia*]. Moscow, Indrik Publ., 2006, pp. 9–32. (In Russ.)
11. Makarova E. A. The Specifics of the Existence of the “Siberian Text” in the Literary Situation of the Last Third of the 19th Century. In: *Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve* [*Siberian Text in the National Plot Space*]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2010, pp. 45–62. (In Russ.)

12. Mel'nikova S. V. Missionary, Investigator, Philosopher, Poet: the Image of the Author-Traveller in "Notes of a Journey" by Archbishop Nilus (Isakovich). In: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [*Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*], 2013, no. 1 (21), pp. 100–107. (In Russ.)
13. Mel'nikova S. V. The Space of "Spiritual Hunger" and of Apostolic Heroic Deed: Image of Siberia in Memoirs of Pre-Revolutionary Orthodox Clergy. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [*Tomsk State University Journal of Philology*], 2015, no. 5 (37), pp. 157–171. (In Russ.)
14. Mel'nikova S. V. Siberia as an Object of Scientific, Philosophical and Artistic Comprehension in the Works of Nil (Nikolay Isakovich, 1779–1874), Archbishop of Irkutsk, and Iakov (Ieronim Domsy, 1823–1889), Bishop of Yakutsk. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [*Tomsk State University Journal of Philology*], 2018, no. 52, pp. 184–200. (In Russ.)
15. Tyupa V. I. Siberia Mythology: to the Question of the "Siberian Text" of Russian Literature. In: *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2002, no. 1, pp. 28–35. (In Russ.)
16. Khudenko E. A. Rivers of Siberia in Essays and Literary Texts by V. Ya. Shishkov. In: *Fundamental'nye problemy gumanitarnykh nauk: opyt i perspektivy razvitiya issledovatel'skikh projektov RFFI. Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [*Fundamental Problems of the Humanities: Experience and Development Prospects of RFBR Research Projects: Materials of the All-Russian Scientific Conference*]. Barnaul, 2020, pp. 347–350. (In Russ.)
17. Yanushkevich A. S. Siberian Text: a Look from the Outside and from the Inside. In: *Sibir': vzglyad izvne i iznutri. Dukhovnoe izmerenie prostranstva. Nauchnye doklady mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*Siberia: a Look from the Outside and from the Inside. The Spiritual Dimension of Space. Scientific Reports of the International Scientific Conference*]. Irkutsk, 2004, pp. 227–235. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мельникова Софья Владимировна, *Sofya V. Melnikova*, PhD (Philology), кандидат филологических наук, Associate Professor, Chief Bibliographer, доцент, главный библиограф, Иркутская областная государственная Иркутск Regional State Universal Scientific Library I. I. Molchanov-universalная научная библиотека Sibirsky (ul. Lermontova 253, Irkutsk, им. И. И. Молчанова-Сибирского 664003, Russian Federation); Doctoral (ул. Лермонтова, 253, г. Иркутск, Student, National Research Tomsk Российская Федерация, 664003); State University (pr. Lenina 36, Tomsk, докторант, Национальный исследо- 634050, Russian Federation); ORCID: вательский Томский государствен- 0000-0002-2106-5730; e-mail: ный университет (пр. Ленина, 36, memuaristika@yandex.ru. г. Томск, Российская Федерация, 634050); ORCID: 0000-0002-2106-5730; e-mail: memuaristika@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 16.11.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.01.2022

Принята к публикации / Accepted 17.01.2022

Дата публикации / Date of publication 14.02.2022